

ИДЕЯ ГУМАННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ

И. Д. ОСИПОВ¹⁾, А. Е. РЫБАС¹⁾

¹⁾Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Предпринимается попытка найти выход из кризиса современности с помощью социально-философских идей, которые были предложены учеными ленинградской философской школы во второй половине XX в. и на данный момент почти забыты. Отмечается, что эти идеи, осмысленные сквозь призму недавних событий, которые показали шаткость и небезопасность установления однополярного мира после распада Советского Союза, могут быть актуализированы и использованы для поиска правильных решений. Анализируются социально-философские взгляды наиболее выдающихся представителей ленинградской философской школы В. П. Тугаринова и В. П. Бранского. Показывается, что представление о гуманной цивилизации, которая мыслилась ими в качестве идеала развития общества, отвечает теоретическим и практическим запросам современности. Выявлены основные черты гуманной цивилизации: плюралистический взгляд на мир, человека и общество, который, обеспечивая свободу мысли и действий людей, не будет вести к деструкции социума, анархизму в общественной жизни и релятивизму в познании; провозглашение свободы высшей ценностью человеческой жизни и создание социальных институтов, способных гарантировать свободу на практике; обеспечение благоприятных условий для максимального развития и нравственного совершенствования личности; критика буржуазной морали и образа жизни, а также псевдоценностей капиталистической культуры; истолкование социально значимых идеалов в контексте динамики общественной жизни как необходимых элементов исторического развития, а не как вечных истин.

Ключевые слова: ленинградская философская школа; советский марксизм; общественный идеал; гуманизм; свобода; философский факультет Ленинградского государственного университета.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде – Петербурге. Вторая половина XX века», реализуемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета).

THE IDEA OF A HUMANE CIVILISATION IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE LENINGRAD PHILOSOPHICAL SCHOOL

I. D. OSIPOV^a, A. E. RYBAS^a

^aInstitute of Philosophy, Saint Petersburg University, 5 Mendelevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: I. D. Osipov (idosipov@mail.ru)

Considering the fact that at present there is a crisis of modernity, which has not only a political but also a socio-cultural character, the authors of the article try to offer a possible way out of it. Namely, they propose to turn to those socio-philosophical ideas that were developed by representatives of the Leningrad philosophical school in the second half of the

Образец цитирования:

Осипов ИД, Рыбас АЕ. Идея гуманной цивилизации в трудах представителей ленинградской философской школы. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;3:15–22.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-15-22>

For citation:

Osipov ID, Rybas AE. The idea of a humane civilisation in the works of representatives of the Leningrad philosophical school. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022;3:15–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-15-22>

Авторы:

Игорь Дмитриевич Осипов – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории философии.
Александр Евгеньевич Рыбас – кандидат философских наук; доцент кафедры русской философии и культуры.

Authors:

Igor D. Osipov, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of history of philosophy.
idosipov@mail.ru
Aleksandr E. Rybas, PhD (philosophy); associate professor at the department of Russian philosophy and culture.
a.rybas@spbu.ru

20th century and are almost forgotten at this moment. These ideas, understood through the prism of recent events that have shown the precariousness and insecurity of the unipolar world established after the collapse of the Soviet Union, may well be actualised and used to find the right solutions. The article devotes special attention to the analysis of the socio-philosophical views of V. P. Tugarinov, the dean of the department of philosophy of the Leningrad State University from 1951 to 1960, and V. P. Branskiy, one of the most prominent representatives of the Leningrad philosophical school. It is shown that the idea of humane civilisation, which they conceived as the ideal of social development, meets the theoretical and practical demands of the present. The main characteristics of the humane civilisation are as follows: a pluralistic view of the world, man and society, which, providing freedom of thought and action of people, would not lead to the destruction of society, anarchism in public life or relativism in knowledge; proclamation of freedom the highest value of human life and creation of such social institutions that would be able to guarantee the realisation of freedom in practice; ensuring favourable conditions for the maximum development of personality and moral perfection of man; a critique of bourgeois morality and lifestyle, as well as the pseudo-values of capitalist culture; interpretation of socially significant ideals in the context of the dynamics of social life, as necessary elements of historical development, rather than as eternal truths.

Keywords: Leningrad philosophical school; Soviet Marxism; social ideal; humanism; freedom; faculty of philosophy of the Leningrad State University.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (project No. 20-011-00144 «The theoretical heritage of philosophy in Leningrad – Petersburg. Second half of the 20th century», provided at the Saint Petersburg State University).

Кризис современности представляет собой благодатную почву для философских и социологических исследований. Поскольку этот кризис является не только политическим, но и социально-культурным, он позволяет взглянуть на основы современной цивилизации и выявить причины нынешних глобальных потрясений.

Безусловно, одной из причин сложившегося положения дел выступает потеря универсально значимого идеала, который бы задавал направленность социально-культурного развития. Сегодня ни одна страна не является образцом для подражания, нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. «Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают, – пишет А. Н. Данилов, – что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала, т. е. сила вновь становится главным аргументом в современной геополитической игре» [1, с. 76].

Казалось бы, всякий разговор об идеалах выглядит сейчас весьма старомодным. Во всяком случае после сокрушительной критики всего идеального, которая в течение последнего столетия велась в мировой философии, поддавшейся влиянию европейского ацентризма, статус идеала, тем более в универсальной трактовке, был лишен всякого философского веса. Однако действительность, очищенная от идеалов, оказалась непригодной для жизни. Сегодня именно это обстоятельство заставляет интеллектуалов искать выход из критической ситуации. Большинство из них видят этот выход в создании новой системы ценностей, спо-

собной противостоять процессам социокультурной деградации. К сожалению, эта цель до сих пор не достигнута.

Между тем обращение к текстам советских философов, прежде всего к написанным в период перестройки и представляющим собой опыт теоретического осмысления событий, которые связаны с болезненной трансформацией социально-политического уклада страны и культуры в целом, позволяет сделать вывод о том, что многие положения, сформулированные в то время, сохраняют актуальность. Так, В. С. Стёпин, один из ярких представителей советской философской мысли, неоднократно заявлял, что «современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности» [2, с. 185], а это, в свою очередь, чревато глобальным кризисом. По мнению В. С. Стёпина, предотвращением этого кризиса или поисками оптимального выхода из него должны заниматься и философы. В частности, им следует разработать системный междисциплинарный подход к изучению современной цивилизации, который позволит сначала обнажить ее основные проблемы, а затем найти ключ к их решению. Следует подчеркнуть, что указанные рассуждения ученого не были декларативными и опирались на анализ интенсивной философской работы. Безусловно, у него были все основания утверждать, что в центре внимания философского сообщества оказывались «вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, возможными сценариями будущего человечества» [3, с. 761].

Ленинградская философская школа принимала активное участие в обсуждении этих тем и предложила ряд интересных сюжетов. Следует отметить, что термин «ленинградская философская школа» был введен в научный оборот сравнительно недавно

и изначально имел более узкий смысл, чем впоследствии. Основанием для его введения послужил тот факт, что ученые, сгруппировавшиеся в основном вокруг философского факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ), трактовали материю – основополагающую категорию советской философии – иначе, чем их московские коллеги. Среди ленинградских исследователей было принято подчеркивать онтологический аспект материи, в то время как ученые из Москвы истолковывали это понятие преимущественно в гносеологическом контексте. Таким образом, в отечественной историко-философской литературе закрепилось определение ленинградской школы как онтологической в противовес московской гносеологической школе [4]. И хотя такое определение было неточным (проблематика ленинградской философской школы сводилась исключительно к дискуссиям вокруг определения материи, т. е. не выходила за рамки диалектического материализма [5]), оно во многом способствовало рассмотрению ленинградской философии как особого феномена советской философской культуры.

Вскоре в исследовательской литературе было отмечено, что достижения ленинградской философской школы следует рассматривать с точки зрения актуальной философии науки, вследствие чего и саму школу начали характеризовать как школу философии науки [6]. Однако и эта формулировка полностью не отражает весь спектр проблем, которые интересовали ленинградских ученых и успешно решались ими. Дело в том, что наука была выбрана ими в качестве приоритетной сферы исследований именно потому, что позволяла максимально дистанцироваться от идеологической опеки философской мысли со стороны государства. Формально занимаясь решением сложных научно-философских вопросов, далеких от идеологии и недоступных для партийного контроля, ленинградские исследователи актуализировали темы, которые либо были табуированы в советской философии, либо представляли собой лакуны философского знания. Через философию науки был найден путь к размышлению над социальными, экономическими, политологическими, психологическими, антропологическими, культурологическими, этическими и эстетическими проблемами [7]. Своеобразным итогом такого расширения поля исследований стала идея синергетической философии, которая должна была синтезировать все наработки ленинградских ученых [8; 9].

Формирование ленинградской философской школы приходится на начало второй половины XX в. После открытия в ЛГУ философского факультета (1940) были созданы благоприятные условия для развития профессиональной философии. Этому способствовало и то обстоятельство, что деканами философского факультета в период оттепели

являлись незаурядные и творческие люди, которые сумели привлечь к участию в философской жизни не только сотрудников университета, но и широкие круги научной общественности. Речь идет прежде всего о В. П. Тугаринове (был деканом философского факультета в 1951–1960 гг.) и В. П. Рожине (был деканом в 1960–1969 гг.). Организации и развитию ленинградской философской школы активно содействовало и руководство университета. Так, академик А. Д. Александров, занимавший должность ректора в 1952–1964 гг., не только стимулировал исследования в области философии, но и публиковал собственные статьи и эссе по научно-философской тематике, а также читал лекции студентам философского факультета. Таким образом, ЛГУ стал открытой площадкой для философских дискуссий и апробации новых идей и учений.

Основоположниками ленинградской философской школы принято считать профессоров В. И. Свидерского и В. А. Штоффа, научное наследие которых в последнее время стало объектом пристального внимания многих историков русской философии. Среди наиболее выдающихся представителей школы следует назвать А. С. Мамзину, Л. О. Резникова, Г. А. Подкорытова, В. П. Бранского, А. С. Кармина, В. П. Петленко, Б. В. Ахлибининского, А. М. Мостепаненко, М. С. Козлову, В. А. Асеева, Д. А. Гущина, А. К. Астафьева, Л. М. Гутнера, Ю. М. Шилкова, В. Г. Марахова, Э. Ф. Караваева. Рассмотрим некоторые аспекты социально-философской проблематики данной школы.

Как отмечалось, философская жизнь в ЛГУ значительно активизировалась с приходом на должность декана факультета В. П. Тугаринова. В. Г. Марахов, возглавлявший философский факультет в 1970–1978 гг., очень высоко оценивал достижения своего старшего коллеги. Характеризуя царившую на философском факультете в 1950-х гг. атмосферу, он говорил, что это был «период категориального осмысления самой философской системы, который можно также назвать периодом преимущественно теоретической философии или временем систематизации понятийного аппарата философии» [10, с. 7]. По мнению В. Г. Марахова, работы В. П. Тугаринова, прежде всего монография «Соотношение категорий диалектического материализма», в которой рассматривается взаимосвязь предельно общих понятий «предмет», «свойство» и «отношения», были образцом профессионализма и оказывали влияние на преподавателей и студентов. «Это школа, – резюмировал В. Г. Марахов, – которую было бы неплохо пройти и современным представителям философии» [10, с. 7].

Взгляды В. П. Тугаринова, в том числе социально-философские, можно рассматривать как выражение общей позиции ленинградской философской школы. Одно из ее принципиальных положений –

доказательство практической важности философии и ее прогностической функции, способности влиять на развитие общества в целях достижения подлинного гуманизма и справедливости. На основании этого формулировалась и главная задача социально-философской мысли – моделирование общезначимого социального идеала, необходимого для полного раскрытия личности человека и реализации его свободы.

В своих размышлениях на эту тему В. П. Тугаринов опирался на общепринятые тезисы советской философии, но приходил к оригинальным выводам. Исходя из того что законы общества тесно связаны с сознательной деятельностью людей и поэтому существенно сложнее законов природы, он стал исследовать специфику социальной жизни и развития, подчеркивая важность субъективного фактора в ходе объективной эволюции общественно-экономических формаций. Речь шла о том, что история движется в том числе благодаря свободной деятельности людей, которые формулируют свои цели и пытаются реализовать их на практике. То, что выступает в виде целей, можно назвать идеалами человеческой жизни, и поскольку все люди разные, то изначально имеется множество идеалов, конкурирующих между собой. Некоторые из них остаются личными целями человека и определяют только его жизнь, другие – становятся содержанием общественного сознания, превращаясь в реальную силу социально-культурного развития. В. П. Тугаринов исследовал диалектику единичного и всеобщего, показывая, как свободный выбор того или иного идеала может сочетаться с объективностью общественных законов. Таким образом, свобода не противоречит необходимости, а является ее изначальным условием. Отсюда следует, что можно изучать закономерности свободного развития общества и научно предвидеть будущее. В работе «Предвидение и современность» В. П. Тугаринов подробно остановился на рассмотрении прогностической функции философии, собрав для доказательства своих выводов самые разные аргументы. Резюмируя, он писал: «Социальное будущее формируется в результате социальной активности (грядущее создают люди, массы, классы на основе своей практически преобразующей деятельности), оно зависит от исторической инициативы народных масс. Но эту творчески преобразующую деятельность людей, их способность создавать грядущее нельзя представлять себе как произвол. Деятельность людей носит закономерный характер. Будущее, как результат этой деятельности, возникает закономерно» [11, с. 34]. В монографии В. П. Тугаринова изучены уровни и формы предвидения (экологическое, демографическое, социально-политическое, общекультурное), выявлены психофизиологические основы и практическая природа философско-прогностической функции.

В контексте размышлений о возможности и необходимости моделирования социально значимого идеала В. П. Тугаринов затрагивал проблему человека и смысла жизни. Наряду с Э. В. Ильенковым, Н. И. Лапиным, М. К. Мамардашвили и Г. С. Батищевым он пытался обнаружить экзистенциальную проблематику в сочинениях К. Маркса, предлагая интересные и порой неожиданные ракурсы рассмотрения его идей. В. П. Тугаринов считал, что, с одной стороны, личность человека содержательно определяется внешними условиями, прежде всего положением и функцией в системе производства. Так, он утверждал, что, чем лучше человек работает, тем насыщеннее становится его личная жизнь и тем больше возможностей для саморазвития он получает. Однако, с другой стороны, высокий уровень культуры человека влияет на качество его работы, он сознательно и творчески относится к своему делу. При этом, полагал В. П. Тугаринов, личность человека не может всецело определяться внешними условиями, так как человек свободен, а свобода является не менее важным фактором формирования его индивидуальности, чем социально-экономические условия жизни. Именно свобода позволяет человеку ставить перед собой цели и стремиться к их достижению.

Смысл жизни человека обуславливается тем свободно избранным идеалом, который детерминирует его жизнь. Смысл жизни, по В. П. Тугаринову, вариативен: не существует единого для всех смысла жизни, потому что каждый человек в индивидуальном порядке прикладывает волевые усилия для придания смысла собственной жизни и приходит к особому результату. Тем самым отвергаются метафизическая и религиозная трактовки универсального смысла жизни, которые имплицитно базируются на нивелировании многообразия человеческой личности и отрицании ее способности к творчеству. Вариативность смысла жизни – это следствие разнообразия человеческих личностей, каждая из которых имеет свою относительную ценность. Безусловной шкалы ценностей, при помощи которой можно было бы ранжировать человеческое достоинство, нет. Аргументируя этот тезис, В. П. Тугаринов отмечал, что не существует избранных профессий – во всех видах труда имеется свой глубокий смысл, всякий труженик является творцом, если вносит в свою работу что-то новое, лучшее.

Однако было бы неверным полагать, что экзистенциальный плюрализм В. П. Тугаринова логически вел его к релятивизму или анархизму. Напротив, свобода человека, представленная в форме многообразия человеческих личностей, не отрицает, а предполагает объективно упорядоченное социальное единство. Человек, как социальное существо, не может абстрагироваться от общества, в котором живет, и вынужден считаться с другими людьми.

В результате тот идеал, который определяет содержание смысла жизни данного человека и придает ей соответствующую ценность, постоянно корректируется. Происходит согласование личных и общественных целей, другими словами, диалектически решается проблема соотношения индивидуального и социального. Идеалы отдельных личностей, с одной стороны, оказывают влияние на содержание общественных идеалов, а с другой – находятся под их непосредственным воздействием. На уровне общественного сознания фиксируются те цели и идеалы, которые признаны социально значимыми ценностями. Основываясь на этом, В. П. Тугаринов предложил определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека» [12, с. 6].

По мнению В. П. Тугаринова, наиболее полно смысл жизни человека может быть реализован в социалистическом обществе. Это обусловлено более высоким уровнем организованности жизни, которая при социализме предстает в качестве объекта сознательного творческого моделирования в соответствии с научно обоснованными идеалами. При капитализме процветают мещанство и эгоизм, потому что в обществе, основанном на признании безусловного авторитета частной собственности, понятие смысла жизни неизбежно сводится к накоплению денег или вещей, ибо в них заключаются власть, благополучие и сама жизнь. Деграция человека как личности в данном случае неизбежна, поскольку процесс диалектического согласования индивидуального и социального часто совершается неосознанно, стихийно, причем решающими факторами здесь выступают фактическое подчинение человека социальным нормам и отсутствие у него реальной свободы. «Человек в современном буржуазном обществе, – писал В. П. Тугаринов, – отравляется не только отбросами, но и продуктами буржуазной культуры, задыхается не только в выхлопных газах автомобилей, но и в ядах буржуазного образа жизни. Этот образ жизни привел к разгулу преступности, сексуализма, наркомании, предельному упадку морали, отвержению духовных ценностей, культу роскошной и престижной жизни» [13, с. 65].

Интересно отметить, что В. П. Тугаринов, рассуждая о преимуществах социалистического строя перед капиталистическим, ставил задачу воспитания у человека потребности в таком смысле жизни, который был бы максимально согласован с общесоциальными ценностями и целями. Возможность решения этой задачи, с его точки зрения, обусловлена тем фактом, что в социалистическом обществе человек действительно и максимально свободен, а «наибольшая свобода дает человеку и возможность разносторонне развивать свою индивидуальность,

которая представляется именно в советском обществе» [12, с. 24]. Социально согласованный смысл жизни человека будет выражаться в признании приоритетной ценности семьи, труда, справедливо устроенного общества и станет важнейшей предпосылкой для личного счастья и социального оптимизма. Таким образом, смысл жизни человека в его индивидуальном и коллективном выражении выступает интегральной ценностью и критерием развития личности.

Важно подчеркнуть, что, изображая социалистический уклад в качестве идеальной формы человеческой жизни, В. П. Тугаринов подразумевал скорее проект подлинно гуманной цивилизации и был далек от идеализации реально существовавшего в то время советского социализма. Более того, описанный им идеал социального устройства может быть понят как способ критики истинного положения дел. Так, в стране победившего социализма, утверждал В. П. Тугаринов, все еще сохраняются человеческие пороки (грубость и неуважение к людям, пьянство, карьеризм, эгоизм и т. д.). Избавиться от них за короткое время нельзя, несмотря на правильность принимаемых законов, так как в реальности человек не совпадает с идеалом философских рассуждений. В. П. Тугаринов считал, что личность – это «человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующийся (или способный пользоваться в соответствии со своими внутренними качествами) определенными правами и свободами, вносящий своей индивидуальной деятельностью вклад в развитие общества и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [14, с. 88]. По мнению ученого, особую роль в сохранении этих пороков играют соответствующая социальная микросреда, например мещанская семья, и материальное неравенство.

Другое дело, что именно в Советском Союзе были созданы наиболее благоприятные условия для того, чтобы человек мог максимально соответствовать своему идеалу. При социализме, утверждал В. П. Тугаринов, достигнута высшая степень свободы, поскольку устранена (по крайней мере, в теории) эксплуатация человека человеком, реализовано всеобщее право на образование, обеспечена возможность активного и сознательного участия человека в общественной жизни, преодолена его зависимость от прежних духовных пут (религии, национализма и шовинизма, мещанства и вещизма). В условиях социализма трудовая инициатива связывается с моральными стимулами и позитивными эмоциями. К ним относились стремление человека к творческой самореализации, желание стать полезным для общества гражданином-патриотом, сделать карьеру в своем государстве. По мнению В. П. Тугаринова, социалистическое общество является воистину

демократическим, так как требует, чтобы личность считалась с интересами социума, который, в свою очередь, заботится о человеке. Целью развития государства в условиях демократии является всестороннее и гармоничное развитие личности, воспитание ее высокой моральности и достижение ее физического совершенства.

В своей последней монографии «Природа, цивилизация, человек» [15] В. П. Тугаринов исследовал вопросы развития цивилизации и человека в контексте глобальных проблем. Он показал и проанализировал взаимозависимость социального, природного и культурного, отраженную в разнообразных формах общественного устройства и идеологии. Продолжая отстаивать идеал гуманного и справедливого общества, ленинградский философ аргументировал широкие возможности социализма в решении глобальных проблем человечества и становлении новой цивилизации, более соответствующей идеалу человека. «Идея совершенствования человека, – делал вывод В. П. Тугаринов, – придает смысл всем теориям человека. Ведь если верно, что человек таков же, как его общество, то столь же верно, что и общество будет таким, каким будет человек, живущий и действующий в нем» [13, с. 127].

Социально-философские идеи В. П. Тугаринова разделялись практически всеми представителями ленинградской философской школы. Некоторые аспекты его идей разрабатывались более подробно, иногда дополнялись и развивались, но суть их оставалась прежней. В качестве примера приведем теорию идеала В. П. Бранского. Эта теория, как и связанные с ней рассуждения о личности, смысле жизни, совершенном общественном устройстве, эстетике и культуре, использовалась В. П. Бранским в различных контекстах и представлена во многих его работах.

В. П. Бранский отталкивался от общепринятого положения ленинградской философской школы, согласно которому высшим уровнем философского знания является учение о ценности, или аксиология. Но ценности всегда связаны с понятием идеала, точнее, они выступают результатом его реализации. «Поэтому аксиология в конечном счете неизбежно становится идеологией, т. е. учением о природе и универсальных закономерностях формирования и реализации идеала» [16, с. 520]. В связи с этим возникает вопрос об отношении понятий «идеал» и «истина», и ответ на этот вопрос представляет собой теорию идеала В. П. Бранского.

Что касается истины, то она не может быть понята иначе, чем соответствие знания объекту, каким он существует до, вне и независимо от человека. И лучшим доказательством этого тезиса, по В. П. Бранскому, является «возможность появления в нашем сознании мысли о существовании незави-

симой от знания реальности» [16, с. 521]. Если бы истина не давала нам картину мира таким, каким он существует «на самом деле» или «в себе», то подобная мысль вообще не пришла бы никому в голову. То обстоятельство, что получение знания всегда предполагает взаимодействие субъекта с объектом, т. е. является субъективно обусловленным и потому неполным, не может, полагал В. П. Бранский, быть непреодолимым препятствием для познания объекта «в себе», потому что содержание понятия «истина» как раз в том и заключается, чтобы мы могли отличить истину от ошибки, лжи или бессмыслицы. Иначе говоря, если истина есть, то она истинна. Все сомнения на этот счет снимаются при помощи классической теории отражения и различения объективной и абсолютной истины.

Идеал, в отличие от истины, не претендует на соответствие знания субъекту, ибо «он дает нам картину мира не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть согласно нашему желанию» [16, с. 522]. Будучи своеобразным антиподом истины или ее искажением, идеал, однако, не тождествен заблуждению: принципиально отличаясь от истины, он не менее существенно отличается и от заблуждения. «Если заблуждение есть отклонение знания от истины вопреки желанию, то идеал является таким отклонением соответственно желанию. Стало быть, в отличие от заблуждения, являющегося искаженным представлением о реальности, идеал есть точное представление о желаемом изменении реальности» [16, с. 522].

Идеалы возникают вследствие обнаружения неполноты знания и понимания невозможности достигнуть абсолютной истины: «...именно несовпадение сущности реальности с ее внешним проявлением дает повод для идеализации этой реальности» [16, с. 525]. Таким образом, изначально идеал и истина неразрывно связаны друг с другом. На первый взгляд, рассуждает В. П. Бранский, может показаться, что прогресс познания должен рано или поздно привести к тому, что человек избавится от практики идеализации, заменив все ошибочные представления истинными. Неслучайно в истории философии имеется ряд попыток – как известно, тщетных – решить эту проблему (например, посредством истолкования идеала как формы проявления идеи или через определение истины как ценности, полезной для жизни). Однако в действительности этого никогда не случится. Проблему взаимоотношения идеала и истины следует решать не путем редукции одного к другому, а путем раскрытия их взаимосвязи и взаимодействия. «Если не путать истину и идеал, – делал вывод В. П. Бранский, – то легко понять, что идеалов может быть сколько угодно, тогда как объективная истина может быть только одна. Другими словами, плюрализм идеалов не вступает в противоречие с монизмом истины» [16, с. 525].

Диалектическое единство идеала и истины описывается В. П. Бранским следующим образом: постулируемая в той или иной философской системе природа реальности (онтологическая модель, или картина мира) определяет характер истины, то, что представляет из себя мир безотносительно к человеку, а истина, в свою очередь, определяет характер идеала, то, каким мир должен быть, чтобы соответствовать человеческим потребностям и интересам. С одной стороны, должное нельзя постичь, если нет знания о сущем, ибо тогда неясно, чем желаемое будет отличаться от наличного. С другой стороны, сущее нельзя познать, если нет критериев истины, которые не выводятся из опыта и требуют обращения к идеальному. Резюмируя свои размышления о взаимоотношении идеала и истины, В. П. Бранский писал: «Истина без идеала “слепа”, а идеал без истины “хромает”. Поэтому взаимоотношение истины и идеала напоминает старинную аллегория, использованную в свое время Шопенгауэром, – образ слепого, несущего на своих плечах хромого. Истина и идеал так же нуждаются друг в друге, как крепконогой слепец и острозоркий хромец» [16, с. 525–526].

Теория идеала В. П. Бранского нашла успешное применение для обоснования его социально-философских воззрений. Реализация идеала определяет всю систему ценностей и культуру данного общества. Без идеалов и практики их осуществления в реальной жизни культура невозможна. Кроме того, диалектика идеологии и научного знания обуславливает динамику социальной системы и способна объяснить все социальные взрывы и революции,

а также периоды стагнации и деградации. Идеал, сформулированный исходя из анализа существующего знания, выполняет функцию ориентира социального развития, способствует культурному росту и совершенствованию человека, но спустя некоторое время начинает, по выражению В. П. Бранского, «стареть», вступать в противоречие с новыми знаниями: истина становится для него все более «опасной соседкой». Вследствие увеличения напряженности в отношениях между идеалом и истиной создаются условия для отказа от существующего идеала, креативный потенциал которого уже исчерпан, и введения нового идеала, который соответствует уровню развившегося знания. «Итак, значение категории идеала в философской системе в конечном счете состоит в том, что это понятие показывает, как в рамках данной системы можно ответить на вопрос о смысле человеческой деятельности. Дело в том, что понятие истины не в состоянии ответить на этот вопрос (вопреки довольно распространенному мнению). Истина не несет никакой ответственности за ее применение именно потому, что эту ответственность целиком принимает на себя идеал. По мере расцвета идеала деятельность, направляемая этим идеалом, наполняется глубоким смыслом, по мере же его упадка она постепенно теряет этот смысл и становится бессмысленной» [16, с. 526].

Обращение к отчасти забытым сегодня идеям советских философов может быть сопряжено не только с удовлетворением историко-философского интереса, но и с возможностью использовать их для решения проблем современности.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Программирующая роль культуры: универсальная модель цивилизационного развития В. С. Стёпина. В: Дудник СИ, Кротов АА, Миронов ВВ, Осипов ИД, редакторы. *Философия истории философии*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2020. с. 66–83.
2. Стёпин ВС. XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития. В: *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачёвские научные чтения; 18–20 мая 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2017. с. 185–188.
3. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 796 с.
4. Вяткерев ФФ. Идеи и концепции ленинградской онтологической школы. *Вече. Альманах русской философии*. 1997;9:190–200.
5. Осипов ИД, Рыбас АЕ. Наука как путь к творчеству: к истории философских дискуссий в ЛГУ в 1950-х – 1960-х гг. *Вопросы философии*. 2021;11:147–156.
6. Бранский ВП. Ленинградская школа философии науки. В: Караваев ЭФ, Разеев ДН, редакторы. *Философия о предмете и субъекте научного познания*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2002. с. 47–60.
7. Рыбас АЕ. Ленинградская школа философии науки: основные идеи и представители. В: Малинов АВ, Рыбас АЕ, редакторы. *Интеркультурная философия: полилог традиций*. Санкт-Петербург: Интерсоцис; 2020. с. 276–286.
8. Басин МА, редактор. *Синергетика и методы науки*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. 439 с.
9. Бранский ВП, Пожарский СД. История и глобализация. Глобализация и синергетическая философия истории. *Общественные науки и современность*. 2006;1:109–120.
10. Марахов ВГ, Осипов ИД. Философия в России. Настоящее. Будущее. Беседа с профессором В. Г. Мараховым. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2014;2:5–11.
11. Тугаринов ВП, Румянцева ТМ. *Предвидение и современность*. Ленинград: Наука; 1976. 212 с.
12. Тугаринов ВП. *О смысле жизни*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1961. 125 с.

13. Тугаринов ВП. *Философия сознания*. Москва: Мысль; 1971. 199 с.
14. Тугаринов ВП. *Личность и общество*. Москва: Мысль; 1965. 215 с.
15. Тугаринов ВП. *Природа, цивилизация, человек*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1978. 128 с.
16. Бранский ВП. *Искусство и философия*. Москва: Янтарный сказ; 1999. 704 с.

References

1. Danilov AN. [The programming role of culture: V. S. Stepin's universal model of civilisational development]. In: Dudnik SI, Krotov AA, Mironov VV, Osipov ID, editors. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of the history of philosophy]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2020. p. 66–83. Russian.
2. Stepin VS. [The 21st century – radical transformation of civilisation development type]. In: *Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya; 18–20 maya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Global world: system shifts, challenges and contours of the future: 17th International Likhachev scientific readings; 2017 May 18–20; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2017. p. 185–188. Russian.
3. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 796 p. Russian.
4. Vyakkerev FF. [Ideas and concepts of the Leningrad ontological school]. *Veche. Al'manakh russkoi filosofii*. 1997; 9:190–200. Russian.
5. Osipov ID, Rybas AE. Science as a path to creative work: to the history of philosophical discussions at Leningrad State University in the 1950–1960s. *Voprosy filosofii*. 2021;11:147–156. Russian.
6. Branskii VP. [The Leningrad school of philosophy of science]. In: Karavaev EF, Razeev DN, editors. *Filosofiya o predmete i sub'ekte nauchnogo poznaniya* [Philosophy on the object and subject of scientific cognition]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2002. p. 47–60. Russian.
7. Rybas AE. [Leningrad school of philosophy of science: main ideas and representatives]. In: Malinov AV, Rybas AE, editors. *Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii* [Intercultural philosophy: the dialogue of traditions]. Saint Petersburg: Intersotsis; 2020. p. 276–286. Russian.
8. Basin MA, editor. *Sinergetika i metody nauki* [Synergetics and methods of science]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. 439 p. Russian.
9. Branskii VP, Pozharskii SD. [History and globalisation. Globalisation and synergetic philosophy of history]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006;1:109–120. Russian.
10. Marakhov VG, Osipov ID. Philosophy in Russia. Past. Real. Future. Interview with prof. V. G. Marakhov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. 2014;2:5–11. Russian.
11. Tugarinov VP, Rummyantseva TM. *Predvidenie i sovremennost'* [Foresight and modernity]. Leningrad: Nauka; 1976. 212 p. Russian.
12. Tugarinov VP. *O smysle zhizni* [On the meaning of life]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1961. 125 p. Russian.
13. Tugarinov VP. *Filosofiya soznaniya* [Philosophy of consciousness]. Moscow: Mysl'; 1971. 199 p. Russian.
14. Tugarinov VP. *Lichnost' i obshchestvo* [Personality and society]. Moscow: Mysl'; 1965. 215 p. Russian.
15. Tugarinov VP. *Priroda, tsivilizatsiya, chelovek* [Nature, civilisation, man]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1978. 128 p. Russian.
16. Branskii VP. *Iskusstvo i filosofiya* [Art and philosophy]. Moscow: Yantarnyi skaz; 1999. 704 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.08.2022.
Received by the editorial board 24.08.2022.